JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.37.57

Tribalism as a Mode of Political Adaptation under Soviet Modernization in Kazakhstan

A. Zhanbossinova✉
L.N. Gumilyov National University, Astana, Kazakhstan
✉*sovetuk@rambler.ru*

Abstract. This article examines tribalism as a specific mode of political adaptation within Kazakh society during the period of Soviet modernization in the late 1920s and 1930s. Drawing on an extensive corpus of archival materials – many of which are introduced into scholarly circulation for the first time – the study analyzes the transformation of clan-based structures, their responses to coercive Soviet policies, and the mechanisms through which traditional hierarchies sought to adjust to the emerging political order. The research demonstrates that the encounter between the Soviet project of socialist modernization and the traditional Kazakh zhuz and clan system generated profound social tensions, leading to the disintegration of established forms of self-governance and to widespread resistance, both overt and covert. Particular attention is devoted to the 1928 confiscation campaign, which marked the first major blow against the tribal aristocracy, as well as to subsequent waves of repression that further undermined the authority of traditional elites. Archival evidence reveals that tribalism did not disappear under Soviet pressure; instead, it adapted, penetrating local administrative structures, collective farms, and cooperative organizations, thereby creating alternative channels of influence and partially reproducing pre-existing social hierarchies. The article argues that Sovietization of the Kazakh aul involved not only the destruction of traditional institutions but also their reconfiguration within new political frameworks, making tribalism an important instrument of political adaptation. The study concludes that, despite the scale and intensity of Soviet modernization, clan-based mechanisms of social organization persisted and continued to shape the political and social dynamics of Kazakh society throughout the 1930s.

Keywords: tribalism; Kazakh aul; clan relations; adaptive practices; patrilineal leadership; clan authorities

For citation: Zhanbossinova A. Tribalism as a Mode of Political Adaptation under Soviet Modernization in Kazakhstan. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.37-57. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.37.57*

© A. Zhanbossinova, 2026

Кеңестік модернизация жағдайында трайбализмнің саяси бейімделу модусы

А. Жанбосинова
Ұлттық университет. Л. Гумилева, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада 1920-жылдардың соңы мен 1930-жылдардағы кеңестік модернизация жағдайында қазақ қоғамындағы трайбализмнің саяси бейімделу модусы ретінде көрініс табуы талданады. Ғылыми айналымға алғаш рет енгізіліп отырған мұрағаттық деректердің кең ауқымына сүйене отырып, автор дәстүрлі ру-тайпалық құрылымдардың трансформациясын, кеңестік зорлықшыл саясатқа берген реакцияларын және жаңа саяси жүйеге бейімделу тетіктерін қарастырады. Кеңестік социалистік жобаның қазақтың жуздық-рулық жүйесімен қақтығысы терең әлеуметтік дағдарыс туғызып, бұрынғы өзін-өзі ұйымдастыру формаларының күйреуіне және ашық әрі жасырын қарсылықтың әртүрлі түрлерінің пайда болуына алып келгені көрсетіледі. Зерттеуде 1928 жылғы байларды тәркілеу науқанына ерекше назар аударылады, ол дәстүрлі элиталарға жасалған алғашқы соққы болды. Одан кейінгі қуғын-сүргін толқындары ру басыларының әлеуметтік негізін одан әрі әлсіретті. Мұрағат материалдары трайбализмнің кеңестік қысымға қарамастан жойылмағанын, керісінше жаңа жағдайға бейімделіп, ауылдық кеңестерге, колхоздар мен кооперативтерге еніп, ықпалдың балама арналары мен бұрынғы әлеуметтік иерархия элементтерін қайта өндіруге мүмкіндік бергенін дәлелдейді. Автор кеңестендіру үдерісі дәстүрлі институттарды жоюмен қатар, олардың жаңа саяси формада қайта қалыптасуына да жағдай жасағанын атап өтеді. Мақала кеңестік модернизацияның ауқымдылығы мен қатаңдығына қарамастан, ру-иерархиялық құрылымдардың толық жойылмай, 1930-жылдардағы қазақ қоғамының әлеуметтік-саяси динамикасын айқындауды жалғастырғанын тұжырымдайды.
Түйін сөздер: трайбализм; қазақ ауылы; рулық қатынастар; бейімделу тәжірибелері; ру басы; рулық бедел иелері

Трайбализм как модус политической адаптации в условиях советской модернизации Казахстана

А. Жанбосинова
Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу трайбализма как особого модуса политической адаптации казахского общества в условиях советской модернизации конца 1920 х – 1930 х годов. На основе широкого круга архивных материалов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, автор рассматривает трансформацию родо клановых структур, их реакцию на насильственные практики советизации и коллективизации, а также механизмы приспособления традиционных иерархий к новым политическим реалиям. Показано, что столкновение советского проекта модернизации с традиционной жузово клановой системой привело к глубокому социальному кризису, разрушению прежних форм самоорганизации и массовому сопротивлению, проявлявшемуся как в открытых, так и в скрытых формах. Особое внимание уделено политике конфискации 1928 года, ставшей первым ударом по родовой аристократии, а также последующим волнам репрессий, которые окончательно

подорвали социальную базу традиционных элит. Архивные документы демонстрируют, что трайбализм не исчез под давлением советской власти, но трансформировался, адаптируясь к новым условиям: родовые сети проникали в низовые органы власти, колхозы и кооперативы, формируя альтернативные каналы влияния и воспроизводя элементы прежней социальной структуры. Автор показывает, что советизация аула сопровождалась не только разрушением традиционных институтов, но и их частичным воспроизводством в новых формах, что делало трайбализм важным ресурсом политической адаптации. В статье обосновывается вывод о том, что советская модернизация, несмотря на масштабность и жесткость, не смогла полностью уничтожить родо иерархические механизмы, которые продолжали определять социально политическую динамику казахского общества в 1930 е годы.
Ключевые слова: трайбализм; казахский аул; родовые отношения; адаптивные практики; родоначалие; родовые авторитеты

Для цитирования: Жанбосинова А. Трайбализм как модус политической адаптации в условиях советской модернизации Казахстана. *Journal of the National Congress of Historians.* 2026. Vol.5, no.1, pp.37-57. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.1.37.57*

Введение

На рубеже 1917-1918 года в обширные области Казахстана пришла советская власть, положив начало экономической модернизации и политической унификации казахского кочевого общества. Плодами масштабной трансформации стали массовые протесты, казахстанская катастрофа и тотальная перезагрузка казахского социума. Указанные явления стали результатом столкновения двух прямо противоположных общественных систем, с одной стороны была советская (сталинская) модель построения социализма, с другой стороны традиционное родоплеменное казахское общество, состоявшее из жузовых сегментов, иерархических институтов. Сильные родовые отношения, иерархическая структура, способствующая продвижению рода, клановость являли собой некую корпорацию, обеспечивающую социальную защиту любому представителю казахского рода.

Статья направлена на то, чтобы показать, как с одной стороны, казахский трайбализм, родоначалие с целью самосохранения пыталось адаптироваться, влиться в систему новых социальных отношений. С другой стороны, как советская власть стремилась уничтожить традиционные иерархические институты, лишая их кроны и уничтожая корень, подвисшие в воздухе казахские кочевники потеряли в итоге собственное ‘Я’, родовую память и идентичность.

Как она боролась с казахским трайбализмом? Какое влияние оказывал казахский трайбализма на социально-политические процессы советизации аула и сплошной коллективизации в Казахстане? Как происходил процесс политической адаптации казахского трайбализма к условиям советской модернизации?

Материалы и методы

Проблема политической адаптации индивидуума к большевистскому эксперименту, является одной из наиболее актуальных проблем историографии на постсоветском

пространстве. На сегодняшний день вполне сформировались два главных объясняющих подхода. Согласно первому, преобладающим типом адаптации советского населения являлась мимикрия, главной целью которой было выживание в условиях жесткой системы диктаторского типа. Мимикрии соответствовала специфическая идентичность, которой были свойственны двоемыслие и конформизм, выливавшиеся в повседневной жизни в пассивные адаптационные практики, такие как систематическое уклонение от работы, работа 'спустя рукава', безынициативность, хищение 'социалистического имущества' и т.п. (Фицпатрик 2011)

Второй вариант адаптации заключался в искреннем стремлении идентифицировать себя с ценностями большевистского проекта, когда индивидуум воспринимал себя как истинно советскую личность (Kuromiya 2003, 35). Для большинства 'простого' населения, далекого от власти и связанных с ней привилегий, в основе формирования настоящей 'советской идентичности' лежала активная деятельность на благо государства, в первую очередь «ударный» труд. Еще одной важной составляющей было усвоение языка власти, которое Стив Коткин назвал умением 'говорить по-большевистски'. Данный вариант адаптации открывал его адептам широкие возможности, совершить восхождение по советской социальной лестнице в качестве 'лучших людей' Советского Союза, 'самого высокого типа людей, созданного социализмом' (Hellbeck 2017). Эти два основных варианта политической адаптации массово практиковались вплоть до развала СССР. Недавние исследования брежневского периода показали, что в 'позднем' советском государстве получил распространение еще один, весьма специфический вариант адаптации, когда часть населения, преимущественно молодежь, «по-своему» прочитывала политические ритуалы власти, наполняя их смысловым содержанием, далеким от интенций партии-государства (Yurchak 2017).

Совершенно очевидно, что все эти модели политической адаптации бытуют в историографии главным образом применительно к коллизиям взаимоотношений советского, в первую очередь сталинского, государства и русскоязычной (эмансипированной) части населения СССР. Вопрос же о том, насколько адаптационные практики русскоязычного (эмансипированного) населения являлись универсальными, в какой степени они были восприняты, отвергнуты или трансформированы на периферии советской империи, в том числе традиционными обществами, по-прежнему требует ответа. При этом следует учитывать, что степень модерности советского государства по-разному оценивается исследователями, а соотношение (технического) модерна и (социальной) архаики в большевистском проекте еще долго будет являться предметом научных дискуссий (Plaggenborg 2006).

Источниковой базой статьи послужили материалы фондов Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центра документации новейшей истории ВКО (ЦДНИ ВКО г. Семей), Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Государственный архив Актюбинской области (ГА АО), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также архивно-следственные материалы Специального государственного архива Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (СГАДП ВКО), Департамента полиции г. Алматы (СГА ДП), Департамента полиции Мангистауской области (СГА ДП). Указанные архивные источники, большая часть которых вводится впервые в научный оборот, раскрывают

атомизацию казахского общества, распад традиционных иерархических институтов и демонстрируют модели адаптационных практик казахского трайбализма.

Обсуждение

Идеи строительства нового социалистического государства в Казахстане прошли под лозунгом под лозунгом принудительной коллективизации и «советизации». В результате советской модернизации традиционный уклад и способ жизни казахского аула, его повседневные практики жизнедеятельности были разрушены. Привнесенная в казахскую степь новая советско-экономическая модель, обусловила различные виды адаптивной стратегии социально-родовых коммуникаций, жизненных тактик открытого и скрытого противостояния, поведенческие реакции короткого и длительного времени действия. Прямо или косвенно вопросы, предложенные в статье, рассматривались в отдельных публикациях, монографических изданиях. Считаем необходимым отметить, что большинство авторов рассматривало модернизацию казахского аула во взаимосвязи с самыми трагическими страницами – казахским голодомором. С. Камерон искала ответы на вопросы о причинах голода и о влиянии знаний о голоде на оценку советской модернизации в Казахстане. Она же отметила, что казахские кланы исчезли вместе с появлением казахской нации (Cameron 2018.). Современная казахская нация, как пишет И. Охайон с апатией относится к своему кочевому прошлому, испытывая проблемы идентичности, поиска себя (Ohayon 2013)

Возможно M.Payne прав, говоря, что 'The regime sought not only to make Kazakh nomads "legible" to the state (the Soviet phrase was to "seize" [okhvatyvat'] them—which turned out to be rather literal) but also to impose order on a disorderly nature and its savage (dikie), nomadic children'(Payne 2011), ведь действительно вечно кочующие казахи вносили сумятицу в советский режим правления, они стремились их трансформировать в свое подобие.

Термином 'советизация' в Казахстане обозначают насильственное включение казахских кочевников в пространство нового государственного устройства. Р. Киндлер придерживаясь термина 'советизация' полагает, что власть достигла своей цели спровоцировав кризис и голод. Взамен ранее доминировавших социальных родовых структур пришли советские ТОЗы, колхозы и прочие 'новые социальные формы общности' (Киндлер 2014: 8-13, 42).

Н. Пьянчола использует термин «этатизация», полагая, что '…campaign to eliminate traditional authority: the decisive step in the process of etatization, of incorporating the Kazaks within the state governed from Moscow'(Pianciola 2007).

Вопросы, обсуждаемые вышеуказанными авторами, перекликаются с материалами и рассуждениями авторов. Приоритетным для нас являются рассуждения Р. Киндлера о советизации и формировании новых социальных структур. Полагаем, что тема трайбализма, и его попытка политической адаптации в предложенном авторском фокусе может вызвать интерес научной общественности.

Результаты

В историю вопроса. Казахское кочевое общество и до вхождения в состав России, и в имперский период было в первую очередь адаптировано к окружающей природно-

климатической, а не к политической среде. Основой потестарно-политической системы являлись родоплеменные иерархические связи. Так называемая жузовая система разделяла казахов на Старший, Средний и Младший жузы. Клановая принадлежность и клановая лояльность играли важнейшую роль в социальном взаимодействии казахов. Корни мифической генеалогии казахской ментальности уходили в далекое прошлое кочевой цивилизации. Семейно-родственные, клановые и культурно-генеалогические связи казахского социума составляли антропологический фрейм исторической памяти. Фактически все социальные страты казахского аула, как зажиточные, так и бедные слои, были связаны между собой прямыми или косвенными родственными отношениями.

Важнейшую роль в жузовой системе играли кочевые вожди в лице баев (родоправителей). Традиционность кочевой корпорации обуславливала признание их авторитета при наличии определенных качественных показателей, таких как жизненный опыт, лидерские навыки, коммуникативность, справедливость, заслуги, образование и пр. 'Класс' баев, богатых скотовладельцев, составлял всего от 2 до 11% от всех кочевников-скотоводов, большинство кочевого населения казахов (66-91%) формировало класс производителей (Масанов 2000: 48, 112). Низшую ступень казахского социума занимала индивидуальная семья, средний состав которой варьировался от пяти до десяти человек и более при условии, что семьи взрослых детей не выделились в самостоятельные хозяйства, т.е. структурно включала поколений.

Начало советизации и уничтожение родовых авторитетов

Обширные географические пространства Казахстана детерминировали кочевой тип хозяйственных отношений, однако они же не позволяли большевикам говорить о полномасштабном контроле над казахскими кочевниками. Учитывая, что советизация нэповского периода фактически не затронула основ казахского трайбализма, Ф. Голощекин понимал необходимость решения вопроса с номинальностью советской власти в Казахстане. Его фразы из выступления накануне коллективизации '…аул… не почувствовал дыхания октября', 'в ауле не было октября', отражали существование социальной организации казахов, связанных внутри родоплеменными отношениями. Социальное противостояние, как правило, отсутствовало или было сведено к минимуму благодаря наличию родственных связей, что отмечалось в одном из обзоров Казкрайкома в 1928 году. Два-три десятка аулов, объединявшихся по родовым и территориальным признакам, входившие в административный аул представляли собою первичную родовую группу, носящую название по имени ближайшего живого или умершего предка). Живучесть старых традиций, обычного права, почет старших и богатых и их авторитетность указывалось в Обзоре 'тормозило развитие классового самосознания, оформлению классовой борьбы в ауле, вообще представляет огромное препятствие на пути социалистического переустройства аула'[1]. Естественные взаимоадаптивные процессы власти и кочевников наблюдались в следующем, как партийно-советский аппарат в ауле был представлен коммунистами, в большинстве своем ставленниками баев; аульные советские работники активно участвовали в родовых распрях; в волисполкомах сидели представители большого богатого рода; а представители мелких родов редко решались жаловаться на неправильные их действия; союзы Кошчи в результате родовой борьбы и становились орудием в руках родовых главарей баев[2].

Отсутствие повиновения в казахской степи, потребовало более радикальных мер, как совершенно верно отметил Р. Киндлер 'Власть может реализоваться лишь там, где указания сверху не пропускаются мимо ушей… '. Главное нужно было победить 'влияние традиционных казахских элит', начать 'репрессии против влиятельных казахов' (Киндлер 2017, 9, 41-42). Руководство Казахстана развязало борьбу за власть в казахских аулах, подвергнув высылке родовых авторитетов, родовых лидеров, как главное звено в иерархии родовой структуры аула. С. Камерон считает, что конфискация была направлена на борьбу с культурной отсталостью казахов, понимая под ней экономические основы кочевого скотоводства. Вряд ли сопоставимы понятия 'культурная отсталость' и 'кочевое скотоводство', напоминающие марксистский подход оценки истории кочевых народов. Вместе с тем, у нее же прозвучала фраза, чтобы избавиться от баев, нужно лишить их скота, что и было сделано в перспективе и в процессе советской модернизации, итог мы знаем – голод (Cameron 2018.).

9 августа 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б)[3] предложило Казкрайкому не позднее 1 сентября 1928 г. провести негласный учет крупных скотоводов из коренного населения, экономическая мощь которых, общественные и патриархально-родовые связи препятствовали советизации аула. Инструкция[4] по применению постановления ЦИК и Совнаркома КАССР от 27 августа 1928 года[5] определила маркеры потенциальных жертв конфискации. На основе этого отбора требовалось разослать на места списки хозяйств, подлежащих конфискации и выселению[6]. Вместе с тем, совершенно верно отметил N Pianciola 'The purpose of the campaign was to wage war against the feudal overlords, the bai, the Alaš-Orda, anti-Soviet elements, and the nationalist intelligentsia in Kazakstan' (Pianciola '2007).

Реализация декрета «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов» вызвала серьезные трудности у членов комиссии по конфискации имущества баев, с одной стороны, очень сложно было подобрать по людей на конфискацию по указанным признаками пятой статьи, с другой стороны родовое начало аула обусловило защиту бая бедняками.

Выселение и раскулачивание байских хозяйств стало серьезным ударом по родоплеменным структурам и трайбалистской ментальности, однако потенциал трайбализма был далеко не исчерпан.

Еще задолго до издания декрета о конфискации, благодаря 'узун кулак'казахская степь уже знала о предстоящей кампании. Источником преждевременного осведомления населения, а главным образом байства, являлась та часть городской интеллигенции, служащих советского аппарата, которые идеологически и родовым образом были связаны с байством. Имея общение с партийными и советскими работниками краевого и окружных центров, эта часть интеллигенции и служащих использовала эти связи в целях соответственного информирования байства о предстоящей опасности. Само собой разумеется, что к этой информации подключались и «советы», и родовая программа действий.

Байство очень быстро стремилось избавиться от лишнего скота, с одной стороны распродавая, с другой переписывая на сородичей. Одновременно шла мобилизация 'байского актива', усиливалось влияние на массы аула, для создания противодействия проведению декрета, использовались свои люди из советского аппарата. Уполномоченных Окружных комитетов Каз. АССР, разъезжавших по казахским аулам во время

разъяснения постановления «О конфискации байских хозяйств», имевших на руках заранее составленные списки на выселение и конфискацию, встретил ‘единый фронт‘ противников декрета. В его ‘оппозиционном’ составе оказались не только потенциальные жертвы конфискации, но и те, кто выступил в их защиту, даже те, кого советская власть хотела освободить от эксплуатации этих баев.

Уполномоченные вместо радостных возгласов освобождения бедных аульных жителей от беспощадных баев, наблюдали диаметрально противоположную картину, где на авансцене трайбализм исполнял главную роль – защищал ‘своих’ баев.

Отметим, первое направление, когда в защиту были втянуты не только простые граждане аула, в ней участвовали представители власти. Так, при проведении общего собрания в третьем ауле Большенарымского района секретарь комсомольской ячейки Конкашбай Абауов заявил, что у них в районе нет крупных баев, а также бывших волостных управителей и судей, когда-то получавших награду от царского правительства. Порой выступавшие на собраниях члены партийных и комсомольских ячеек, говорили о совершенной безвредности своих баев. Некоторые, по мнению Крайкома КазАССР перешли грань разумного, как например, Бегеневский волостной исполнительный комитет РКП(б) Семипалатинского округа потребовал оправдания бая, попавшего в суд. N. Pianciola отмечал участие местной власти в конфискации в пользу конфискуемого бая, ‘…50 % of the animals confiscated were “temporarily left” with the owners …’, поскольку родственные связи были превыше декрета (Pianciola 2007).

Подобного рода помощь и ситуация была характерна для большинства казахских аулов. В партийных документах она отражалась фразами ‘состав работников… слаб..’, ‘заражены между собой родовой группировкой…’, ‘… союз Кошчи в районе не имеет своей физиономии…’, ‘… отдельные члены противодействуют, укрывают байское имущество и скот…’, ‘…отдельные члены комсомола, Кошчи, дают письменные отзывы выселяемым баям…’[7]. И это еще не все, родовые связи выселенцев, конфискуемых казахов растягивались не только по горизонтали, но и вытягивались по вертикали. ‘Все табуктинцы, намеченные к выселению, при участии бая Турагула Кунанбаева решали между собою вопрос о посылке в Кзыл-Орду и Москву к Букейханову и Дулатову своего представителя, т. к. Букейханов хороший друг Сталина. Киселевская комиссия не приехала бы, если бы не было Букейханова’, посылку представителя некоторые работники не рекомендовали, объясняя: ‘Вследствие отъезда Токтабаева в Кзыл-Орду, т. к. пока он будет сидеть в Казправительстве, табуктинцам не будет никакой пощады’[8]. Сидящие во власти пытались спасти своих сородичей, вычеркивая из списков, предупреждая о событии, составляя новые конфискационные списки и пр.

Второе направление родовое противостояние и родовое соперничество вместо классовой борьбы, так ожидаемой советской властью. В Зайсанском районе одна часть партийцев стала за бая Богусова, а другая – за бая Тулусова. Были отмечены неоднократны случаи, когда штрафы, конфискации применялись из родовой вражды[9]. Для участия в конфискации имущества в аул Богусова пришло около 800-900 человек. В обращении Богусова к прибывшим в его аул, как сторонникам, так и противникам прозвучало признание в том, что его отец – ‘…Богус был волуправителем, эксплуатировал ваши труды, получал подарки от царского правительства, но меня считать полуфеодалом нельзя. Скажите сами, когда был волуправителем и господствовал. Я никем не был,

съездил в Мекку, вы сами же дали почетное звание «ходжи» и теперь думаете трогать. Я никого не эксплуатировал, не гонял вас на работу, когда вы нуждались в чем-либо, то всегда шел на уступки, пусть судит Бог, ағайындар. Заканчивая свое слово, скажу делайте обдуманно, умоляю и настойчиво прошу об исключении меня из числа выселяемых, ведь я не вреден, жду помилования бога и вас'[10]. Призыв к сородичам остался без ответа.

Политика конфискации превратилась в арену родового альянса и ожесточенного родового соперничества, когда старые обиды из сундука родовой памяти, заставляли одни рода объединятся с другими с целью уничтожения своих противников. Именно поэтому кампания по конфискации 'оказалась самой разрушительной, потому что ее проводили сами казахи' (Cameron 2018.). И в этой борьбе не было ни одного оттенка классового противостояния. На собрании в ауле №2, созванном уполномоченным Ибатулиным, беднота до сего времени не решалась выступать и указывать на баев. Однако после выступления члена ВКП(б) Камаева, беднота начала вносить в список конфискуемых без разбора экономической мощности и антисоветской деятельности представителей противоположного рода баймурзинцев (беднота из родового отделения «Джангара»). В результате в список попало 45 человек баймурзинцев, из которых 5 баев, остальные бедняки, батраки и середняки. Крайком лишь констатировал, что 'налицо попытка использования родовых противоречий при проведении конфискации'[11].

Коллизии трайбализма приводили также к тому, что активисты-бедняки не очень-то желали помогать подобным себе, но из другого рода, находясь в одном ауле в результате административно-территориальной реформы. Аул урочища Айгыз был поделен между двумя родами Барлыбай и Байчузак. Разногласия между ними переходили в открытые конфликты, оба рода не хотели иметь ничего общего с друг другом, в том числе и следовать друг за другом в условиях советского строительства. При конфискации имущества влиятельного бая Берикбола Малдыбаева из рода Байчузак, часть скота досталась беднякам рода Барлыбай. Однако, когда один из выходцев рода, родственник конфискованного бая Малдыбаев Нурахмет стал следователем, бедняки были вынуждены возвратить взятый скот или возместить его стоимость. Естественно, никакой партийно-классовой линии в аульно-родовом столкновении не соблюдалось. Вместе с тем, наблюдалось как активно один род уничтожает авторитета другого рода, не без помощи советской власти. Подобных примеров, произошедших при рассмотрении вопроса о выселении байской семьи Малдыбаевых, род Барлыбай весь без исключения проголосовал за выселение родоначальника рода Байчузак, бая Берикбола Малдыбаева, достаточно много. На собраниях аулсовета разыгрывались политические баталии, где представители родов не чурались обвинять друг друга в том, что они 'не мусульмане, даже не казахи и не сохраняют солидарность казахского аула, так как выдают своего бая на конфискацию и выселение'[12], забывая о своем участии в столь трагическом событии.

Удивительным явлением, сопровождавшем практическую политику конфискации в ауле и победу одной из сторон родового противостояния, стали праздничные мероприятия, как например проведение байги, тоя и т.д. Осенью 1928 г., в честь конфискации имущества бывшего влиятельного волостного управителя Х. Богусова провели байгу.

Порой подобные празднества, победу в родовом противостоянии использовала местная власть, придавая ей красно-политический ореол, адаптируясь под родовую

ментальность. Родовые группы косчинцев, комса и остальные аульные граждане в день изъятия скота с красными знаменами, революционными песнями явились в аулы конфискуемых баев. Изъятия конфискуемого имущества баев и их отправка в Уланском районе превратилась в грандиозную демонстрацию, митинг, постановка большевистского спектакля, устройство тоя и проведение национальных игр: байга-бегунцов, кунан иноходцев, борьба мужчин и женщин, бега женщин и подростков. По информации местного руководства на той съехалось 800-900 человек, даже присутствовали русские было около 200 человек из поселка Никитинского. Той закончился постановкой спектакля[13].

Третье направление поиски спасения и помощь рода, конфискованные баи пытались апеллировать в вышестоящие органы, многие из них вынужденно уничижали статус своего рода: '…я никогда не был, не претендовал, и было бы безумием претендовать быть родоначальником, ибо я принадлежу к незначительному роду…', '…тогда, как все остальное большинство населения состоит из рода 'Жагалбайлы', поэтому было бы для меня честью, если бы я сумел играть какую либо роль в Актюбинском районе в качестве родоначальника…, …род 'Тама', из которого я происхожу, есть в Актюбинском р-не маленькое пятно на фоне громадного рода 'Жагалбайлы...'[14]. Подобные ситуации были типичны для всего Казахстана, если на западе указывали на 'громадный род Жагалбайлы', то на востоке упоминали о роде 'Жумагул' самом сильном среди тоуктинцев, в сравнении с 'Жаман Тобукты', проживавших совместно в Кзыл-Адыровской волости, где первый составлял 1300 дворов, второй 200. Естественно, что все решения, как при прошлой власти, так и при советской принимали представители рода 'Жумагул', один из них 'Бендебай Арыстатбаев в 18 летнем возрасте начал управлять волостью при царе Николае, … был председателем Волисполкома …до 1924 г.'[15].

Авторы писем во власть пытались доказать, что 'социально неопасны', в прошлом, при царском режиме не занимали никаких должностей, начиная с деда и заканчивая им персонально, соответственно 'родовыми группировками' руководить не могли, т.к. не обладали влиянием на родовые группы[16].

Во время учета имущества баи пытались скрывать скот у бедноты, одновременно обещая оставить им часть, раздавали имущество, скрывали в пределах другого района через своих родственников. Триггер социальной модернизации уже был запущен, т.к. большинство попыток баев не увенчались успехом, что подтверждает мнение С. Камерон о зарождении советской нации казахов. Когда все попытки не увенчались успехом, баи пошли по линии собирания подписей бедноты и батрачества и по линии использования служебного положения своих ставленников и приспешников, составляя вместе с ними фиктивные одобрительные приговоры от имени бедноты и батрачества за спиной этой массы. Баи стали искать законы в целях обойти реальность декрета выселения и начали почти везде подавать заявление в ЗАГСы о разводе с женами по обоюдному согласию. Жены мотивировали развод нежеланием продолжать совместную жизнь в дальнейшем. Среди разводящихся были даже старухи 65 лет, желающие развестись от старика 80 лет и молодые женщины, желающие развестись от 25-летнего мужа. Последних еще можно было понять, когда молодая женщина была отдана замуж третьей или четвертой женой. За распадом родовых связей следовал распад байских семьи. Сначала инициаторами распада семей выступали сами баи, пытаясь приспособиться и, самое главное, выжить

в условиях угрозы выселения и конфискации. В итоге выселению подвергалась только мужская половина семьи, а женщины с детьми и частью имущества оставались на местах проживания[13].

Даже изгнание не лишало родовую элиту ее статуса, поддержки и уважения. Высланным родовым авторитетам оказывали помощь, не только ближайшие родственники, но даже члены аулсовета. Содержание материальной помощи включало не только финансовую, но и продуктовую, как например: '…пять туш мяса, несколько коров, …золото и серебро'. Некотрые роды и подроды, как например 'Жашибек', своему баю Бекембаеву при отправлении на выселение вручили некоторые подарки. Кто преподнес деньги, некоторые подарили лошадей, якобы расходы для дороги. Даже один мугаллим названного выше подрода передал Бекембаеву 10 руб. Можно отметить документально-процессуальную помощь, как например отдельные баи получали одобрительный отзыв (характеристику), подписанный населением аула и заверенный аулсоветом, баям искали адвокатов, через совего человека в РИКе казывали государственную поддержку. Сочувствие и поддержка баев имела массовый характер, даже в местах их ссылки. Казкрайком приводил отрицательные примеры эмоционального сочуствия и соучастия районного актива по отношению к баям. Руководство раскритиковало поведение секретаря Бадамского районного комитета, который поехал лично поздравить бая и порадоваться вместе с нем об освобождении его КазЦИКом от конфискации. Жесткому партийному прессингу подверглись секретарь Меркенского райкома Чекушин, имевший связь с баями, секретарь Туркестанского РИКа за то, что пускал подлежащего конфискации бая к себе на квартиру, нарсудья Чаяновского 23-го участка, который плакал вместе с семьей бая, критиковал правительство, что оно поступает неправильно, наказывая семью бая[17].

Советкость по-казахски: трайбализм как инструмент политической адаптации.

Командно-административный стиль стал главным стимулом советизации казахского аула. Процесс перехода к колхозам в Казахстане начинался с простейших производственных форм кооперации – коммуны, артели, тозы. Организация кооперативов в пределах аульного пространства лишь способствовала усилению родового начала. Байская верхушка, родоначальники обладали экономическими рычагами в ауле, соответственно разрешая внутренние вопросы в нужном русле. Особую роль в аулах играли аткаминеры[3] (антисоветский общественно-посреднический элемент в ауле). Аткаминер, он и байский шпион, и главноуговаривающий. С помощью аткаминеров байство поддерживало в ауле так называемый «интымак» (договоренность соблюдать обычаи и традиции).

О характерной особенности 'антисоветской активности байства', а именно об использовании байством родовых группировок и родовой вражды, сообщали низовые партийные, комсомольские руководители. Клановая верхушка, писали они, т.е. баи, берут под полное свое влияние низовой аппарат, заставляя его 'больше нажимать на бедноту, середняка'. Очень точно высказался начальник уголовного розыска Аулие-Атинского района: '…Казахов разделять на бедняков, середняков и баев нечего, они все заодно, даже не исключая некоторых коммунистов, все за бая…' (Из истории депортаций 2012, 248). Управление на местах напоминало политический театральный спекталь с названием 'Советская власть в Казахстане', внутреннее содержание которой демонстрировало кочевой традиционализм казахской повседневности. Казкрайкомом периодически устраивались проверки деятельности низовых партийных организаций. Например

результаты проверки Бостандыкского, Сузакского районов показали, что пленумы райкомов партии и пленумы риков не собирались в течение целого года, партийные ячейки не собирались, аульные и кишлачные советы не заседали, председатели аульных и кишлачных советов работали так, как работали в былое время старшины. Руководство партийными ячейками со стороны райкомов и аульными и кишлачными советами со стороны риков ограничивалось посылкой письменных директив, перепечатанных без изменения с директив окружкома партии или окрисполкома. Уполномоченные, которые посылались из района в аул и кишлак, подменяли совет и партийную ячейку, проводя всю работу не через них, а помимо них, через родовых старейшин[18]. Такая ситуация была характерна для отдаленных районов.

В сформированных колхозах по-казахски заготовка хлеба, хлопка, скота и пр. проводилась так, что батрачество и беднота не были участниками этой работы и не только не боролись против бая, а в некоторых местах принимали на себя твердые задания, которые давались баям и продавали последнее имущество или нанимались батраками, чтобы купить хлеба, хлопка и пр. и внести их для покрытия того задания, которое получил бай, т.е. тяжесть обложения с бая перекладывалась на бедняка и середняка. Документы зафиксировали, что местная власть: в Енбекши-Казахском районе в ряде аулов распределяла выполнение планов по родовым признакам, оказывая давление присутствием родовых авторитетов в соваппарате. ‘В ауле № 7 на 31 хозяйство слабого рода план доведен 5331 пуд, а на 140 хозяйств сильного рода – 500 пудов. Биен-Аксуском районе принуждали сдавать скот бедняков, совершенно не имеющих такового, чем вызывалось среди бедноты недовольство. В Октябрьском районе отмечены массовые случаи переобложений бедноты и середняков и недообложение байства. Бедняк Алма-Атинского аула Сембаев имеет 7 едоков, урожая собрал 17 пудов, а положено 23 пуда. Корбаев урожая по случаю засухи не собрал, и сдавать ему нечего, уполномоченный за несдачу грозил ему арестом, после чего Корбаев сбежал в Китай. В Малай-Сарийском районе в ауле № 2 уполномоченный по хлебозаготовкам Нуренов бедняку Маптыбекову для 100% выполнения хлебозаготовок предложил продать свою дочь, грозя последствиями ареста и пр. В аулах Ново-Чуйском и Калабаевском, контрольные цифры на хозяйства раскладываются поровну, без учета социального-имущественного положения’[19]. Аналогичные явления отмечаются и в других аулах.

В районах Западного Казахстана повсеместно в колхозах наблюдалось родовое деление, самыми главными считались ‘Шалбар’ из рода Адай, остальные адайцы рода ‘Кете’ и пришлые мелкие роды. Вся работа в колхозах подчинялась групповым – родовым интересам: подбор и выдвижение работников, смещение и гонение на «нежелательную» часть работников, дача клеветнических заявлений, вовлечение в партию, даже без осведомления и желания принимаемых, заочное принятие в кандидаты партии родственников – руководителей райкомов партии. Постоянное переложение тяжести самообложения, сельхозналога на бедноту, подбор аппаратов из байских элементов[20].

По образному выражению С. Камерон трансформация казахов в новую советскую нацию происходила не без помощи самих казахов, при их прямом участии. Некоторые ссопротивлялись, некоторые приспосабливались, а некоторые делали карьеру, поднимаясь наверх к властному олимпу (Cameron 2018.). Родовая борьба в казахских колхозах сопровождалась доносами, жалобами. Последние акцентировали внимание

советской власти на наличие в казахском обществе родовых группировок. 'Результатом наличия родового быта – среди Казакского населения является непрерывная борьба родовых главарей между собой за экономическое и политическое господство над казакским народом, которые в силу событий сам вольно или невольно, сознательно или несознательно втягивается в эту борьбу'. Известный деятель Алаш Халел Габбасов оказался в эпицентре жалоб, направленных в Кирцик по обвинению в родовой вражде, набегах на аул совместно с братьями Адилевыми, Турагулом Ибрагимовым (сыном Абая Кунанбаева). В сущности шла борьбы между Ике Адилевым и Мусатаем Молдыбаевым, о чем писал Р. Киндлер, применение 'мимикрийных стратегий', инсценировка 'классовых противоречий' (Киндлер 2014, 35). Представитель партийной организации Мендешевской волости Оспанов констатировал, что '… население волости не совсем понимает советское строительство, совершенно не понимает лозунг "Лицом к аулу". С состав сельсовета не из среды батраков, которые работают у баев…Причина к этому в волости имеется казакская партийная вражда, начавшаяся с 1918 года во главе которой стоит Ике Адилев и Мусатай Молдыбаев'. Далее идут жалобы сына Мусатая Кабжана Молдыбаева с перечислением лиц, связанных с байством и алаш-ордынцами[21].

Как ни парадоксально, но трайбализм оказался 'палкой о двух концах'. Власть также использовала родовое противостояние и противоречия кочевых казахов, не гнушаясь искусственным разжиганием межродовой розни. Излюбленным методом стало назначение председателей колхозов из других мест и родов, в попытке уничтожить родоначалие. Колхозники, руководимые своими кланами, в ответ объединялись против председателя 'со стороны'. Представителю другого рода, новоназначенцу никто в ауле не доверял.

Власть провоцировала своими действиями казахское население, объединяя несколько административных аулов, помимо того, что они находились на достаточно большом расстоянии, имели различное родовое происхождение. В результате насильственного обобществления, оказавшись в одном колхозе аулы соперничали за место под солнцем. В результате родовой вражды страдали невинные люди, которые в результате клеветы и доносов внезапно становились баями. Председатель Энбекшильдерского РИКа в ноябре 1930 г., обратился с жалобой о незаконной высылке его отца, полагая, что это '…неоспоримая ошибка, произошедшая в результате введения в заблуждение местной организации родовой враждой' (Из истории депортаций 2012, 307).

Родовая конфронтация обострялась в период избирательных кампаний в низовые органы советского аппарата. Каждый клан выдвигал своего человека, который в случае избрания выполнял его задания. В Нуринском районе борьбы за власть шла между тремя родами 'Кулумбет', 'Жайлы' и 'Айкорек' (Советская деревня 2003, 672-678). Аналогичная ситуация наблюдалась в местных организациях коммунистической партии. '…Ни о какой сплоченности организации говорить не приходится, наоборот – она делится на всякие рода, группы, подгруппы и т.д.' сообщал инструктор московского ЦК в сентябре 1926 г. Вышестоящие партийные органы осуждали пиетет аульных коммунистов, проявляемый к родоначальнику, получение ими благодарности за поддержку (Киндлер 2014, 51, 127).

Кочевая авторитетная элита нередко избиралась соплеменниками в составы аулсоветов и волисполкомов, т.е. в низовой советский аппарат власти. Один из крупных баев Семипалатинского округа Магавия Токпаев в первые годы существования Советской власти, воспользовавшись авторитетом родоначальника, а также как

сын влиятельного аксакала стал председателем волисполкома, получив активную поддержку аула. Скрыв байскую принадлежность, проникает в 1929 году в колхоз 'Жана-Тугам' и становится аульным активистом. Он принимал активное участие в проведении хлебозаготовительной кампании, не выполняя при этом план задание по хлебу, что возмутило бедняков и привело к изгнанию его из колхоза[22].

Клевета и доносы активно использовались в период избирательных кампаний. Во время предвыборных кампаний в колхозах руководители родов проводили негласные собрания по подготовке компрометирующих материалов на советских активистов из другого рода. Подача изобличающих доносов позволяла убрать неугодную креатуру, выставив своих сторонников[23]. До 1928 года на всех ответственных должностях в Колбинской и Карабуржской волостях Семипалатинского округа сидели ставленники баев из влиятельных родов 'Калматай', 'Крыкбай'. В период очередной избирательной кампании они решили провалить кандидатуры аульных бедняков путем передачи уполномоченному избиркома ложного компрометирующего материала на них[23.]

В Кзыл-Ординском районе глава рода 'Козы' Сутенев Шагдарбек до 1924 года был председателем Кугалинского волисполкома, когда его сняли за антисоветскую деятельность, он остался негласным руководителем всех общественно-политических и социально-экономических процессов в районе. Он подчинил себе байство не только своего рода, но и других родов: Доссан, Абыз Арган, Алтабас и возглавил байскую группу, организованно боровшуюся на перевыборах советов за выдвижение своих людей на руководящие должности. Группа Сутенова обеспечив себе пост председателя ВИКа, своим ставленником получила возможность полного захвата власти в руки байства, сохраняв 'эксплуататорские и хозяйственные' преимущества за собой.

Через аксакальских авторитетов он брал под свое влияние население, проводя в аулсоветы, волисполкомы, уездные исполкомы на руководящие посты своих ставленников, руководил их работой, убирал неугодных ему людей в период выборов и пр.[24].

В 1930 г. перед выборами в аулсовет, братья Кутамбаевы (крупные баи) устроили официальное собрание с беднотой аула, где вынесли решение об освобождении их от индивидуального обложения и возвращения им права голоса. Решение собрания аулсовета засвидетельствовал председатель КОШЧИ и направили в РИК[25].

Ергазин Джанибек, Исагулов Сыздык и Исагулов Зияда проживали в ауле №8 Кзылтавского района были крупными баями, лишенными избирательных прав. Как активные участники родовой вражды использовали группировки как орудие для захвата власти в свои руки. При этом в ауле существовало несколько группировок, объединяемых разными крупными родовитыми баями. Последние входили в группировку Минкеева Карима, которой удалось в 1924 году избрать его председателем аулсовета, а в 1926 году председателем Айнинржанского волисполкома Джанибека Ергазина. В 1928 году эта группа стремилась захватить низовую кооперативную сеть, с этой целью повели активную агитацию за создание самостоятельного потребобщества 'Кзынан'. Постановление райисполкома не только разрешило деятельность указанной организации, но и сбор членских взносов[26].

Баи, избранные в председатели колхоза, аулсовета и волисполкома, еще более усиливали статус рода при советской власти. В условиях разочарования колхозом, несбывшихся райских обещаний большевиков, казахи отнюдь не стремились вырваться из уз родовых отношений.

При очередных кампаниях наступления на ‘байско-кулацкие элементы’, последние все глубже проникали в колхозы, становились колхозными активистами, проявляя лояльность и приспосабливаясь к чуждым для себя условиям[22]. Как аульные активисты, бывшие баи принимали участие в хлебозаготовительных кампаниях, однако личный план, как правило, не выполняли. Дуальность такого поведения вызывала негативное отношение со стороны идейных советских патриотов, знавших о «байском» происхождении новоиспеченных активистов. В период чистки советского аппарата их ‘вычищали’ из колхозов, привлекали к ответственности и штрафовали. В этих случаях они стремились использовать свои статусно-родовые возможности в низовом советском аппарате, чтобы получить от аульного совета справку о бедняцком происхождении и затеряться на степных просторах Казахстана.

В колхозах по-казахски трайбалистские сети выстраивали статус рода во власти, подчиняя остальных соплеменников по ранжиру. Так, колхоз ‘Караш’, созданный в Божугурском аульном совете в начале 1932 г., состоял из восьми казахских родов, где сильными и влиятельными были рода ‘Конокай’, ‘Чоке’, ‘Садыбек’, ‘Калыбай’. Соответственно весь административный штат был сформирован из вышеуказанных четырех родов, ‘а граждане из остальных родов всегда и во всем им покорялись’. В архивно-следственном деле Бесимова К., последние получили статус ‘пассивных родов’: ‘Сақу’, «’Акымбект-Сыбан’, ‘Сексень’, ‘Сапақ’, а первые фигурировали как представители авторитетного рода. Председателем колхоза стал Караханов Азимхан из сильного байского рода ‘Конокай’, его брат Сеилхан Жапарханов, крупный бай, четырежды подвергался конфискации. В силу того, что колхоз ‘Караш’ находился в руках байских элементов, штат также подбирался исключительно из байских прослоек, в особенности из тех четырех влиятельных родов. Габдулла Торегельдинов был Айталак Сергазинов бригадиром по сеноуборочной и старшим по сдаче хлеба в заготовку (род «’Конокай’), Абылгазы Лукпанов доставщик хлеба на склад (род ‘Чоке’) и пр. По делу байско-вредительской группы прошло 16 человек, их обвинили в расхищении хлеба и причинении материального ущерба колхозу[27].

Процессы проникновения в колхозы байской элиты являлись пролонгированными на всю первую половину 1930-х годов. Документы, датируемые 1933-1934 гг., позволяют утверждать, что как сами баи, так и их потомки и родственники, использовали любую возможность получения административного статуса. Бывшие баи, волостные управители, их потомки, ближайшие родственники являлись членами большевистской партии, занимали должности председателей горкомхоза, городского оседлого комитета, ответственных секретарей, сотрудников ОГПУ и пр., создавали, по классификации чекистов, ‘лжеколхозы’ и ‘лжеТОЗы’. А. Итпаев в Маканчинском районе Алма-Атинской области в 1935 году создал лже колхоз из баев и контрабандистов, назвав его ‘15-летие Казахстана’[28].

Ярким примером альянса большевиков с родовыми авторитетами стал Адаевский ревком, породивший ‘советского хана’ Алниязова Тобонияза. Он единолично управлял уездом, взяв себе в помощь патриархов – аксакалов из отдельных родов и племен Адая. Суды не существовали, а всякие дела, невзирая на наличие декретов правительства и подсудности захвата судейских функций, разбирались самим Алниязовым или по его поручению по шариату или адату. Им даже был разработан проект о проведении

советизации аула Адая при помощи ‘Шариата’. Проект был написан на русском и казакском языках, представлен в КазЦик, для утверждения на 3-м Всеказакском съезде советов[29].

В 1921 году Т. Алниязов, как указано в материалах архивно-следственного дела), с целью административного подчинения, идеологического расширения своего «ханства», как он именовал уезд, мобилизовал до 3000 человек джигитов, вооружил, имеющимся у населения оружием, повел свой отряд на завоевание Каракалпакской области. Захваченный им город Конград был захвачен, разграблен, на почве дележа награбленного произошел родовой конфликт между Т. Алниязовым и С. Кудайбергеновым, последний был убит[29]. Уездный комитет, сформировавшийся в Форте-Александровский из молодых идейных коммунистов, выступал против безобразий, творимых Т. Алниязовым. Однако, род Адай, состоявший из более 200000 человек поддерживала единственного ‘советского работника’, придерживающегося старых патриархальных обычаев и традиций. ‘Советский хан’ настраивал народ против коммунистов, облагал кочевое население Адая единолично налогами, расходуя их по своему усмотрению. Вместе соратниками Т. Алниязов держал всю власть в Адае в своих руках, даже после его ухода они проводили на высшие выборные должности ‘универсальных» кандидатов’, не допуская на ответственные посты работников, присылаемых из центра, а в крайнем случае добивались путем их подкупа согласованности в работе или удаления из округа, путем сбора ложных компрометирующих материалов на них. Ключевые посты во власти занимали Садык Жубаев был заместителем председателя Уревкома, затем председателем КК ОК ВКП(б), бывший царский служащий, крупный бай, Калым Кожиков был начальником Окрмилиции, Нарсудьей потомственный волуправитель и т.д.[29]

Отметим, что если предыдущие ответработники центра, присланные на ключевые посты, как жертвы кляузы и доносов отзывались Крайкомом Каз. АССР, то Ш. Иралиев стал жертвой родовой политики Адая[29]. Согласимся с мнением Р. Киндлера (Киндлер 2014, 49), что ОГПУ извлекло максимальную выгоду от его смерти, материалы архивно-следственного дела по адаевской родовой группировке содержат несколько томов, а обвинительное заключение более 200 листов.

В 1928 году центр Адаевского округа из г. Форт-Александровска постановлением Правительства Казакстана был переведен в г. Уил, а также в краевой печати стал обсуждаться вопрос о ликвидации Адаевского округа, как не имеющего самостоятельного экономического и политического значения и в целях советизации аулов Адая и ликвидации существующих бытовых пережитков. К тому времени Крайком ВКП(б) вынес определение о идеологическом разложении Адаевской организации, существования группировочной борьбы, засоренности рядов организации чуждо-байским элементом с намеком на наличие даже контрреволюционной деятельности[30].

Большевики в рамках марксистского нарратива объясняли союз бедноты и баев отсталостью, неграмотностью и некультурностью казахов, придавленных нищетой. О характерной особенности ‘антисоветской активности байства’, а именно об использовании байством родовых группировок и родовой вражды, сообщали низовые партийные, комсомольские руководители. Клановая верхушка, писали они, т.е. баи, берут под полное свое влияние низовой аппарат, заставляя его «больше нажимать на бедноту, середняка’[31].

Заключение

Социальная система казахского аула с ее родо-клановыми отношениями не вписывалась в большевистский эксперимент. Принудительная коллективизация породила конфликт казахского социума, родовые ценности вошли в противоречие с идеологией власти. Казахский трайбализм оказал сильное влияние на социально-политические процессы советизации аула и сплошной коллективизации. Повсеместно наблюдалась родовая борьба кланов, возглавляемая бывшими родоначальниками-баями и волостными управителями-биями, завуалированная под социальное противостояние. Адаптация казахского трайбализма к условиям советской модернизации происходила в результате эксплуатации родо-иерархических связей, использования представителей клана, оказавшихся во власти. Прямые и косвенные родственные отношения, родовые коммуникативные индикаторы, авторитет трайбалистского сегмента оказался на какое-то время сильнее партийных директив. Традиционная казахско-кочевая ментальность обуславливала родо-иерархическую соподчиненность, однако «воображаемое сообщество» номадов поглотило родовое соперничество, следствием чего стали клевета и доносы. На кону стояло не только конфискованное богатство, обладание материальными ресурсами, но и возможность стать всесильным в новой власти. Произвольность выбора жертв конфискации местными органами в отсутствие регламентированных критериев, позволяла сводить счеты. Молекулярная структура казахского трайбализма была вычищена не без помощи ее непосредственных участников.

Казахский аул пережил три волны репрессий, первая волна связана с конфискацией баев в 1928 году, когда под удар попали богатые баи, родовая аристократия, с колоссальным авторитетом и весом, образованно-интеллигентные, имевшие политико-управленческие корни с дореволюционного периода, прямо или косвенно связанные с партией Алаш и правительством Алаш-Ордой. В большинстве своем их дети получили высшее образование, и даже судя по фамильному содержанию Большого террора, оказались втянуты в политическую структуру Казахской автономии. Вторая волна относится к 1930 году, когда процесс колхозного строительства обусловил вторичность изгнания оставшихся баев. Если в первом случае и в большей степени маркером выступала структурная принадлежность к категории т.е. незримая связь с прошлым, и условная численность скота, то во втором случае, оба маркера оказались важны байско-родовая значимость и скот. Первые два этапа преследовали уничтожение родового начала, родо-персонального пиетета. Третья волна годы Большого террора 1937-1938 гг., на этом этапе репрессиям подверглись прямые потомки первого и второго поколения родовой аристократии в рамках кулацкой и национальной операций.

Родо-иерархическая структура полностью включилась в процесс советизации, приспособилась и адаптировалась, обретя новые социальные формы, приобрела новое политическое звучание советская нация – советский народ, новая идентичность советско-казахский этнос.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру
Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности
Автор благодарит за научно-редакторское сопровождение статьи.

Примечания

1. Из обзора Казкрайкома ВКП(б)о социально-экономическом и политическом положении республики// АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2106. Л. 1-3
2. Доклад уполномоченного Казалинского УК ВКП(б) по Актюбинской волости ‘Об итогах кампании по сбору сельхозналога, недоимок прошлых лет, семссуды, водсбора, организации и проведения самообложения и реализации крестьянского займа’//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 1933. Л. 38-42
3. Заседание Политбюро от 30 апреля 1931 г. Протокол №37 п. 10//Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 3. Д. 699.
4. Инструкция по применению постановления ЦИК и Совнаркома КАССР от 27 августа 1928 года// ГА АО. Ф. 9. Оп.1. Д. 106. Л. 27-32.
5. Конфискации и выселению подлежали хозяйства, имевшие: в кочевых районах свыше 400 голов скота (КРС), в полукочевых более 300 голов скота, в оседлых 150 и выше. Вместе с тем в Докладной записке Казкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) от 15 мая 1928 г. предполагались другие нормы, для хозяйств кочевых районов предельный минимум составлял 200, максимальный 300 КРС, полукочевых 100 и 200, для оседлых 50 и 100 соответственно. ГА АО. Ф. 9. Оп.1. Д. 106. Л. 7-8.
6. Материалы о конфискации байства сентябрь 1928 г. Семипалатинский округ // АП РК. Ф.141.Оп.1.Д. 2067.Л.1,40 6 Дословно длинное ухо, образное выражение о человеке, распространяющем информацию
7. Из протокола № 38 заседания президиума Семипалатинского окрисполкома – о проведении декрета КЦИК И СНК от 27 августа 1928 г. ‘О выселении и конфискации скота и имущества крупных баев-полуфеодалов’ и о подготовительных мероприятиях к этой кампании»//ЦГА РК Ф. 135. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–76.
8. Спецсводка Семипалатинского ОО ОГПУ о ходе конфискации//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2058. Л. 58-67
9. Телеграфное сообщение комиссии по проверке соблюдения законности при проведении налоговой кампании в Каркаралинском уезде//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 1689. Л. 188
10. Сведения о количестве конфискованного у баев имущества и скота. Сентябрь, 1928 г. Семипалатинская область. // ЦДНИ Ф. 3. Оп. 1 Св. 2. Д. 209. Л. 91.
11. Стенограмма заседания бюро Казкрайкома ВКП(б) по обсуждению доклада комиссии ЦК ВКП(б) о нарушениях революционной законности в период проведения хлебозаготовительной и налоговой кампаний в Семипалатинской губернии//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 165. Л. 157–165
12. Архивно-следственное дело по обвинению граждан Чубартаусского района//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 1. Д. 5119.

13. Из доклада секретаря окружной комиссии по конфискации об итогах изъятия имущества крупных баев в Уланском районе//ЦДНИ ВКО Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л.1-4
14. Постановление ЦИК и СНК КАССР об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодального байства//ЦГА РК Ф. 5. Оп. 21. Д. 15. Л. 42-63
15. Дело о конфискации имущества и выселении гражданина Адилева Асылхана// ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 47. Л. 30, 37.
16. Дело о конфискации имущества и выселении гражданина Сергазина Идриса//ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 66. Л. 2, 11, 62, 73.
17. О конфискации байских хозяйств (выступление на партконференции Сырдарьинского ОКР ВКП(б))//Государственный архив общественно-политической истории Туркестанской области (ГАОПИТО) Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л.145-148, 149а
18. Инструкция уполномоченным окружкомов 'Порядок проведения конфискации и выселения кулаков'//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 2922. Л. 1-4
19. Спецсводка об укочевках казахского населения в Казахстане по материалам Инфо ПП ОГПУ по КАССР на 24 ноября 1930 г.//АП РК Ф. 719. Оп. 2. Д. 126. Л. 149-159.
20. Резолюция по состоянию Уильской партийной организации//Государственный архив Мангышлакской области (далее ГАМО) Ф. 2П. Оп. 1. Д. 74. Л. 15–17.
21. Архивно-следственное дело по обвинению граждан Чингиставского района//СГА ДП ВКО Ф. 1. Оп. 1. Д. 5049.
22. Архивно-следственное дело Токпаева М.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2481. Л. 35.
23. Архивно-следственное дело на Сулейменова С.// СГА ДП Ф. 19. Оп. 2. Д. 2433. Л. 162
24. Протоколы тройки ПП ОГПУ// СГА ДП г. Алматы Ф. 20. Оп. 1. Д. 331. Спецсводка уполномоченного ПП ОГПУ о ситуации в Соло-Тюбинском подрайоне//ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 4. Д. 24. Л. 32.
25. Архивно-следственное дело Кутамбаева К. и др.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2680.
26. Архивно-следственное дело Исагулова З.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2510.
27. Архивно-следственное дело Бесимова К. и 13 человек // СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 2682.
28. Архивно-следственное дело Итпаева А.//СГА ДП ВКО Ф. 19. Оп. 2. Д. 3030.
29. Архивно-следственное дело контрреволюционной группы Адаевского уезда//СГА ДП г. Алматы Ф. 1. Оп. 1. Д. 4506. Л. 36-39
30. Доклад о положении в округе и задачах по советскому строительству//АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 1694. Л. 32-40
31. Материалы о довыявлении скота и имущества после конфискации у кулаков и баев Семипалатинского округа//Центр документации новейшей истории (ЦДНИ) Ф. 3. Оп. 1. Св. 15. Д. 209.

Список литературы

Cameron S. The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Cornell University Press. 2018.

Hellbeck J. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006. 448 p.

Kuromiya H. How Do We Know What the People Thought under Stalin? Soviet power - people's power? Essays on the history of popular perception of Soviet power in the USSR. Ed. T. Vihavainen. St. Petersburg. 2003

Payne M.J. Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928-1934. In: Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K. (eds) Writing the Stalin Era. Palgrave Macmillan, New York. 2011. https://doi.org/10.1057/9780230116429_5

Pianciola N. 'Famine in the steppe", Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45/1-2. Online since 01 January, connection on 11 March 2022. URL: http://journals.openedition.org/monderusse/8681;DOI: https://doi.org/10.4000/monderusse.8681

Ohayon I. The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization. Mass Violence & Résistance 2013. [online], published on: 28 September. accessed 17/05/2021, http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-

Из истории депортаций 1930-1935., 2012. Сборник документов. Алматы: Lem. 772 с.

История Казахстана. Т.4. Алматы: Атамура.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане». Пер. с нем. Л. Пантиной. Москва: Политическая энциклопедия. 2017.

Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Социнвест-Москва: Горизонт. 1995.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939., 2003. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930-1934 гг. Кн. 1. 1930-1931 гг. / Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ РФ, Ин-т истории новейшего времени (Франция), Центр по изучению России (Франция), Рос. гос. архив экономики, Ин-т по эконом. истории (Швеция), под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.:РОССПЭН. 864 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛО. 2017.

Фитцпатрик С. Сорвите маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. Москва: РОССПЭН. 2011.

References

Cameron S. The Hungry Steppe Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Cornell University Press. 2018. (In English)

Hellbeck J. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006. 448 p. (In English)

Kuromiya H. How Do We Know What the People Thought under Stalin? Soviet power - people's power? Essays on the history of popular perception of Soviet power in the USSR. Ed. T. Vihavainen. St. Petersburg. 2003. (In English)

Payne M.J. Seeing like a Soviet State: Settlement of Nomadic Kazakhs, 1928–1934. In: Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K. (eds) Writing the Stalin Era. Palgrave Macmillan, New York. 2011. https://doi.org/10.1057/9780230116429_5 (In English)

Pianciola N. 'Famine in the steppe", Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45/1-2. Online since 01 January, connection on 11 March 2022. https://doi.org/10.4000/monderusse.8681 (In English)

Ohayon I. The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization. Mass Violence & Resistance 2013. [online], published on: 28 September. accessed 17/05/2021, http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre (In English)

From the history of deportations 1930-1935. Collection of documents. Almaty: Lem. 2012. 772 p.
The history of Kazakhstan. Vol. 4. Almaty: Atamura. (In Russian)
Kindler R. Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan." Translated from German by L. Pantina. Moscow: Political Encyclopedia. 2017. (In Russian)
Masanov N. The nomadic civilization of the Kazakhs. Almaty: Socinvest-Moscow: Horizon. 1995. (In Russian)
The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939., 2003. Documents and materials. In 4 volumes. Vol. 3. 1930-1934. Book 1. 1930-1931 / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, House of Human Sciences (France), Center. Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation, Institute of Modern History (France), Center for the Study of Russia (France), Russian State Archive of Economics, Institute of Economics. History (Sweden), edited by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN. 864 p. (In Russian)
Yurchak A. It was forever, until it was over. The last Soviet generation. Moscow: UFO. 2017. (In Russian)
Fitzpatrick S. Rip off the masks! Identity and imposture in Russia in the 20th century. Moscow: ROSSPEN. 2011.
History of Kazakhstan. Vol.4. Almaty: Atamura. 2009. (In Russian)

Information about author

Albina S. Zhanbossinova – Doctor of Historical Sc., Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpaev Str., 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-4541-4154

Автор туралы мәлімет

Альбина Советқызы Жанбосинова – тарих ғылымдарының докторы, профессоры Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-4541-4154

Сведения об авторе

Альбина Советовна Жанбосинова – доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан, https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-4541-4154

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді***. Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 02.01.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.02.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.03.2026